№ 16

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ РОДСТВЕННИКОВ Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

14 декабря 1953 г.

№ 44. п. 8 – Заявление А. М. Орджоникидзе[23].

1. Поручить тов. Руденко рассмотреть заявление о снятии судимости с А. М. Орджоникидзе и И. К. Орджоникидзе.

2. Признать необходимым оказать [им] материальную помощь.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 72. Л. 77. Подлинник. Машинопись.

№ 17

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС ОБ ОТСРОЧКЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕРЕСМОТРА СОСТАВА «ОСОБО ОПАСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ»*

17 декабря 1953 г.

В Президиум ЦК КПСС
товарищу Маленкову Г. М.
товарищу Хрущеву Н. С.

Президиум ЦК КПСС 17 сентября с.г. поручил тт. Руденко (созыв), Круглову и Горшенину в трехмесячный срок пересмотреть состав заключенных, содержащихся в особых лагерях и тюрьмах МВД СССР, и представить предложения о содержании особо опасных государственных преступников[24].

Для выполнения указанной работы созданы комиссии в составе: министров внутренних дел республик или начальников УМВД краев и областей по месту дислокации особых лагерей и тюрем, министров юстиции республик или начальников краевых и областных управлений Министерства юстиции СССР, прокуроров республик или краевых и областных прокуроров, начальников особых лагерей и тюрем и прокуроров особых лагерей.

Для рассмотрения материалов местных комиссий создана Центральная комиссия в составе: заместителя министра внутренних дел СССР тов. Серова, заместителя Генерального прокурора СССР тов. Хохлова, заместителя министра юстиции СССР тов. Данилова, начальника Главного управлении исправительно-трудовых лагерей и колоний Министерства юстиции СССР тов. Долгих и начальника Тюремного управлении МВД СССР тов. Кузнецова.

По состоянию на 16 декабря с.г. из 202.162 заключенных, содержащихся в особых

* На первом листе записки имеются подписи: «За. Н. Хрущев», «За. Г. Маленков» и следующие пометы: «Контроль. Тов. Руденко сообщено. Д. Суханов. 21/XII-53 г.» и «Контролируется. На контрольной карточке отмечена отсрочка представления предложений. [Подпись неразборчива]. 22. XII.53 г.». – Сост.

лагерях и тюрьмах, получено материалов от местных комиссий на 117 549 человек и рассмотрено Центральной комиссией на 84 613 человек.

Задержка в работе Центральной комиссии произошла ввиду позднего получения материалов из отдаленных лагерей с разбросанными на большие расстояния лагерными подразделениями, в связи с чем прошу разрешить отсрочить представление в ЦК КПСС материалов по пересмотру заключенных особых лагерей и тюрем МВД на две недели[25].

Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 168. Л. 146–147. Подлинник. Машинопись.

№ 18

ЗАЯВЛЕНИЕ М. В. НАНЕЙШВИЛИ-КОСАРЕВОЙ Г. М. МАЛЕНКОВУ О РЕАБИЛИТАЦИИ*

17 декабря 1953 г.

Председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову
от Нанейшвили-Косаревой Марии Викторовны

Заявление

Не ставя перед собой задачу защиты и оправдания моего мужа, бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева А. В., я хотела сообщить Вам некоторые факты, которые могли бы объяснить одну из причин ареста Косарева.

В 1936 или 1937 году, я не помню точно, у нас в гостях был Багиров, за ужином Косарев предложил тост: «За настоящее большевистское руководство в Закавказье, которого сейчас там не имеется».

Через некоторое время в Москву приехал Берия, кажется, на Пленум ЦК ВКП(б); увидев там Косарева, он подошел к нему и спросил: «Почему ты считаешь, что я не гожусь в руководители парторганизации Закавказья?» После этого разговора Косарев понял, что Берия это не забудет, и отношения у них были испорчены.

В 1938 году Берия был переведен в Москву и назначен начальником Главного управления госбезопасности. Я по работе узнала о назначении Берия раньше, чем узнал Косарев, и когда сказала ему об этом, он был очень встревожен и даже испуган. И действительно, через четыре месяца после назначения Берия в ГУГБ Косарев был арестован.

Мстительность Берия дошла до того, что он сам приехал арестовать его и из-за этого пострадала уже я.

Когда приехали арестовывать Косарева, я сразу спросила: «Нужно ли собираться и мне тоже и буду ли я также арестована», – но мне сказали, что нет, и меня не трогали.

В последний момент, когда уводили Косарева, я бросилась к нему и не отпускала, стояв возле него, как вдруг сзади нас раздался голос: «А ну возьмите ее тоже». Оглянувшись, я увидела Берия.

* На первом листе письма имеется следующая резолюция: «Тов. Руденко. Прошу выяснить это дело. Г. Маленков. 18.I.54 г.». – Сост.

Тогда меня в ту же минуту также арестовали.

Все эти факты можно легко установить. Если жив Косарев, он повторит всю эту историю слово в слово. Думаю, что Багиров и Берия тоже не забыли об этом.

Как происходил мой арест, могут подтвердить комендант Жданов, присутствовавший при аресте, и работники ГУГБ, производившие арест.

Моя первая следовательница Хорошкевич тоже знала, что я арестована только волей Берия.

После того, как меня арестовали, стали подбирать обвинения.

Законченный материал следствия прокуратура вернула обратно, так как там не было основания для осуждения. Тогда снова началось следствие, только уже другого характера. Меня допрашивало сразу по 5–6 человек, ругаясь площадной бранью, издеваясь и применяя недопустимые на следствии приемы. Несмотря на мое упорное отрицание принадлежности к какой-либо организации, я была все же осуждена, как член право-троцкистской организации, в которой я никогда не состояла.

Мне кажется, что в свете вскрывшихся обстоятельств, разоблачивших Берия, к пересмотру моего дела есть все основания, о чем я и прошу Вас[26].

Мария Нанейшвили

Нахожусь в ссылке в г. Норильске Красноярского края.

Адрес: Норильск, 21-й квартал, д. 66, кв. 45.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 31–32. Копия. Машинопись.

№ 19

ЗАЯВЛЕНИЕ В. М. ВАРЕЙКИСА Н. С. ХРУЩЕВУ О РЕАБИЛИТАЦИИ

[*Не позднее 22 декабря 1953 г.*][*]

Секретарю ЦК Ком[мунистической] партии Советского Союза Хрущеву Н. С.

От заключенного Варейкиса Вацлава Михайловича, 1904 г. рожд[ения], осужд[енного в] 1949 г. Особым Совещ[анием] к 10 годам ИТЛ по ст. 58–10, ч. I. Конец срока 1-го мая 1958 г.

Я, бывший член ВКП(б) с 1919 по 1937 г., исключенный после ареста моего брата Варейкиса И. М. с мотивировкой «За связь с врагом народа Варейкисом И. М.».

Осужденный в 1946 году О[собым] С[овещанием] по статье 58–10, ч. I, я в настоящее время отбываю срок в Воркутлаге.

Возведенное на меня обвинение при исключении из партии явилось основанием к моему аресту и заключению, хотя между этими событиями прошло 10 лет.

Следствие и дознание велись в Министерстве госбезопас[ности] Литовской ССР. Они были беспредметны и бездоказательны. Все обвинения строились на событиях 10–25-летней давности, причем, выясняя мои позиции в борьбе ли с троцкистами, право-левацким уклоном или правым уклоном, ведущие следствие не находили оснований к обвинению, т. к. я ни разу не изменил генеральной линии партии. При следствии я ссылался на свидетелей, знавших меня в эти периоды, да и мое партийное дело до исключения не было замарано.

[*] Датируется по штампу на обороте первого листа заявления: «Спецотдел Генпрокуратуры СССР. 22 декабря 53 г.» – Сост.

Разложив жизнь по частям – дни, месяцы, годы, – нельзя найти в ней, а следовательно и в делах, а это значит и в мыслях, ничего антикоммунистического, антисоветского. Я не колеблясь шел на самые тяжелые участки партийной и советской работы.

Юношей-подростком в рядах Красной армии в 1919 г. дрался с колчаковскими бандами. Был в 1929 году на коллективизации в Тамбовской обл. Был на строительстве МТС в 1933 г. в Поволжье, а затем на Украине. Был добровольцем в Отечественную войну. Был на установлении Советской власти в Литовской ССР с июля 1944 г. Правда, в годы после исключения из партии, в годы войны и после, условия надломили быт и порядок в моей личной жизни. Разрушилась семейная жизнь. Разрушилась работящая семья. Один брат пропал безвестно, другой брат скоропостижно умер в 36 лет, и я, оставшись один, лишенный чести, подвергнутый остракизму, начал терять сознание своей нужности. Стал больше чем следовало бы пить, оторвался от общественной жизни.

В это время тайными путями, применяя всякого рода провокации, опер[ативный] отдел Лит[овского] МГБ собирал на меня материал. Но материала не было. Секретные агенты может быть и писали на меня поносные докладные, однако, видимо, они были слишком легковесны, т. к. в период следствия мне ничего не было предъявлено ни через свидетелей, ни на бумаге.

Арестованный органами МГБ, я сохранял веру, что все исправится и зря не будут держать и мучить безвинных людей. Я полагал также, что будут судить, где я смогу защитить себя, но судили меня тайно и тайно отправили в лагерь.

Проведенные в заключении семь лет отразились на здоровье – «тюрьма не красит» – но не убили веру. В настоящее время я инвалид, причем это уже навсегда, но я работаю и живу.

Обращаясь с этим заявлением, я прошу Вас дать указание, чтобы рассмотрели мое дело не предвзято, а по совести.

Я уверен, что достаточно малейшего Вашего внимания, чтобы вслед за тем восторжествовала правда[27].

г. Воркута, п/я 175/9

Варейкис

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 38921. Л. 22–22 об. Автограф.

№ 20

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ В. Я. КАЧАЛОВА

29 декабря 1953 г.

№ 46. п. 8 – Об отмене постановления Президиума Верховного Совета СССР по делу Качалова В. Я., осужденного к высшей мере наказания[28].

Утвердить постановление Президиума Верховного Совета СССР об отмене ранее принятого постановления Президиума Верховного Совета СССР в отношении Качалова В. Я., осужденного к высшей мере наказания.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 43. Копия. Машинопись.